37. Ugolovno-processual`ny`j kodeks Respubliki Abxaziya ot 25 dekabrya 2007 goda (v red. ot 15.06.2015 № 3792-s-V) // Oficial`ny`j sajt Verxovnogo suda Respubliki Abxaziya.

38. Kodeks Respubliki Abxaziya Ob administrativnom sudoproizvodstve ot 15 iyunya 2015 goda № 3787-s-V // Oficial`ny`j sajt Verxovnogo suda Respubliki Abxaziya.

УДК 348.07 DOI: 10.22394/2074-7306-2020-1-4-163-168

ОПРЕДЕЛЕНИЕ «О ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ ПРАВОСЛАВНОЙ РОССИЙСКОЙ ЦЕРКВИ» ОТ 2 ДЕКАБРЯ 1917 Г.: АНАЛИЗ ПОЗИЦИИ ПОМЕСТНОГО СОБОРА РПЦ 1917-1918 ГГ.

Олихов Дмитрий Владимирович кандидат исторических наук, кандидат богословия, заведующий кафедрой библеистики и богословия Омской духовной семинарии Омской Епархии Русской Православной Церкви,
доцент кафедры Истории и Теории религии Омского Государственного университета им. Ф.М. Достоевского,
E- mail:olikhovd@inbox.ru

Аннотация

Вопрос развития церковно-государственных отношений являлся центральным в повестке дня Поместного Собора и вызывал широкие дискуссии. Благодаря решениям, принятым делегатами, Церковь впоследствии смогла выстоять, не потерять управление, преодолеть обновленчество, агрессивное государственное безбожие. В то же время, существовали просчеты в разработке и реализации Собором церковно-государственной политики. Вызвано это было, по-видимому, уверенностью в скором падении советской власти, а также — надеждой на Учредительное собрание к которому Церковь, таким образом, готовила свою политическую платформу.

***Ключевые слова**: Поместный Собор Русской Православной церкви, Церковно-государственные отношения.*

Основной исследовательской проблемой анализа Определения «О правовом положении Православной Российской Церкви» от 2 декабря 1917 г. является соотнесение (дихотомия) двух противоположностей, принимая во внимание результаты работы Церковного форума. Первая, это разработка Собором основ церковной самостоятельности, принципов и новых институций управления, где были достигнутые значительные успехи и заложен фундамент структуры и управления современной Церкви. Второе — это политика выстраивания отношений с государством, новой советской властью, где успехов, к сожалению, достигнуто не было. Если в первом случае, коллективный разум Собора, открыто, откровенно и демократически обсудив вопросы церковного устройства и управления, проявил мудрость, заложив соответствующие основы, на которых и сегодня покоится здание Церкви, то во втором случае, следует признать отсутствие должного анализа, слабость экспертных и прогнозных оценок, определенную растерянность делегатов перед лицом насилия и произвола, творимого новой властью. Успешное решение первой группы вопросов свиде-

тельствует о том, что Собор был полномочен, легитимен и компетентен в этой части. В то же время, отсутствие успеха в решение второй, не менее важной группы вопросов, свидетельствует скорее об инерции, о том, что Церковь не смогла быстро перестроиться в стремительно менявшейся революционной ситуации, которую не предвидела.

В то же время именно благодаря решениям, принятым делегатами, Церковь смогла выстоять, сохраниться, не потерять управление, преодолеть обновленчество, агрессивное государственное безбожие.

Обращая особое внимание на просчеты в разработке и реализации Собором церковно-государственной политики важно провести анализ и учет исторического опыта взаимодействия Церкви и государства в кризисных условиях. Разработка такого рода доктрины способна повысить адаптивность политики Церкви, которая должна заранее предвидеть любые социально-политические изменения и катаклизмы, просчитывать их возможное влияние на Церковь и паству и быть к ним готовой.

Концептуально Поместный собор исходил из невозможности полного отделения Церкви от государства. Это положение сравнивалось с тем, чтобы «солнце не светило, а огонь не согревал». Собор подтверждал предназначение Церкви, которая по «внутреннему закону своего бытия» не могла отказаться от призвания просветлять и преображать существование человечества. В этом смысле она и государственность стремилась «исполнять своим духом, претворять ее по своему образу»[1].

Таким образом, соборяне заняли догматически безупречную, но политически (входя в отношения с государством по поводу исполнения им его функций, Церковь неизбежно вступала в сферу политических отношений) двойственную позицию. Стремясь быть независимой от государства и не терпя вмешательства в свои дела, Церковь в то же время считала себя вправе наставлять государство, обязывать его назначать на высшие посты только православных, а также в целом «исполнять государство», которое в этом не нуждалось и этого не запрашивало. Народ России, как новый носитель власти и суверенитета, также не уполномочивал Церковь на какое бы то ни было попечение о государстве.

Позиция Собора выражалась в весьма противоречивых суждениях о том, что после крушения («волею Провидения») самодержавия, Церковь не стремится «иметь суждения» о новых формах власти «со стороны их политической целесообразности», однако, она «стоит на таком понимании власти, по которому всякая власть должна быть христианским служением».

Собор занял противоречивую позицию. С одной стороны, он отрицал «меры внешнего принуждения, насилующие религиозную совесть иноверцев», с другой — отказывал последним в занятии высших государственных должностей, прямо указывая на обязанность государства «охранять первенствующее положение Православной Церкви в России»[2].

Обратим внимание на то, что правовой или иной легитимный источник этих требований отсутствовал, Собор делал ссылку на то «как и встарь», Церковь сама себя считала «призванной к господству в сердцах русского народа и желала, чтобы это выразилось и при государственном его самоопределении»[3].

В этой связи значительное время Собором было уделено обсуждению не имевшему актуальности и какого бы то ни было политического смысла вопросу об обязательном православном исповедании нового главы государства, а также министра исповеданий. Такой должности ни в тогдашнем, ни во всех последующих прави-

тельствах России вплоть до сегодняшнего дня не было (если не считать Председателей Совета по делам религий в СССР), что сводило обсуждение к чистой схоластике.

По инициативе А. В. Васильева обязательным становилось православное исповедание для министров исповеданий и просвещения, а также их заместителей. Проф. Н. Д. Кузнецов пытался отрезвить спорящих указанием на то, что в России уже провозглашена полная свобода совести, что уравнивает в правах, в том числе — политических, всех граждан, которые могут быть и атеистами, поэтому нельзя «рассчитывать на успех», принимая решения об обязательности православия для высших должностных лиц. Это мнение, однако, не было услышано[4].

Следует обратить внимание на то, что позиция РСДРП(б) по вопросу государственно-церковных отношений не была ни нова, ни только что сформирована. Она была кратко, но предельно ясно («Отделение церкви от государства и школы от церкви») сформулирована ещё летом 1903 г. на III съезде партии, когда под № 13 вошла в её первую программу[5]. Принимая во внимание, что РСДРП(б) была первой и старейшей российской политической партией, Собор (иерархи Церкви), рассматривая государственно-церковные отношения, вероятно, должны были анализировать расклад политических сил и политические программы.

На момент принятия соборного Определения в России оставались две реальные политические силы : партии большевиков и социалистов-революционеров (ПСР или эсеры). Их позиции по государственно-церковным отношениям полностью совпадали. Эсеры, в своей программе акцентировали внимание на союз антинародных сил с «клерикальными, сословными и монархическими пережитками прошлого», на их политику «разжигания инстинктов расовой, религиозной и национальной вражды». В целом же эсеры, как и большевики, выступали за «полное отделение церкви от государства и объявление религии частным делом каждого»[6].

Требования соборного Определения от 2 декабря 1917 г. выходили далеко за пределы даже умеренной программы партии конституционных демократов (кадетов), которые закрепляли лишь полную свободу совести и освобождение Православной Церкви и других исповеданий «от государственной опеки»[7]. Никаких привилегий Церкви кадеты не предлагали. Таким образом, требования, озвученные в процессе подготовки Определения, не опирались на анализ реальной политической ситуации в стране и актуальный расклад политических сил.

Принятое 2 декабря 1917 г. Определение Собора[8] начиналось с оценки текущей общеполитической ситуации в стране, которая рассматривалась не иначе как «великие бедствия» и «великая междоусобица» символом которой стал артиллерийский обстрел московского Кремля.

На риторический вопрос о том, «чьими же руками совершено это ужасное деяние?», Собор был вынужден ответить: «нашего русского воинства», а точнее, его «частью», той, которая «еще недавно являло подвиги храбрости, смирение, благочестия». В то же время, воины были не одни, к ним «присоединились и некоторые слои московского населения». Собор констатировал, что «совершители злого дела живут теперь среди нас», «не думая о сделанном». Принимая во внимание политическую ситуацию, Собору оставалось уповать лишь на «Божий суд и Божию правду».

Собор увидел «вместо обещанного лжеучителями нового общественного строения — кровавую распрю строителей, вместо мира и братства народов — смешение языков и ожесточенную ненависть братьев». Гражданская война делала из людей «голодных волков, которые бросаются друг на друга» во «всеобщем затемнении совести и разума».

Констатируя «неслыханное предательство России и верных союзников наших», и войдя, таким образом, в сферу внешней политики, Собор пришёл к выводу о том, что «к нашему несчастью, доселе не народилось еще власти воистину народной, достойной получить благословение Церкви православной», то есть подчеркнул наличие безвластия. В условиях начавшейся гражданской войны это был верный и единственно правильный для спасения тысяч жизней и страны вывод. Позиция Церкви была ясна — скорейший гражданский мир и прекращение братоубийства.

Определение от 2 декабря 1917 г. было двойственным. С одной стороны, его содержание было в значительной степени оторвано от реальности и большинство положений не могли быть реализованы. В этом смысле следует согласиться с анахроничностью большинства его статей[9]. С другой стороны, «Определение» содержало сформулированное Собором установление свободы и независимости Церкви в делах веры и внутренней жизни от государственной власти, против чего последняя не возражала. В этом основной смысл Определения и достижение Собора.

А. Н. Кашеваров указывает на то, что в основу анализируемого Определения об отношениях Церкви и государства легло «положение об отдалении, а не отделении церкви от государства», с чем сложно в полной мере согласиться. Церковь действительно отдаляло государство, а точнее полностью отказывало ему во вмешательстве в свои внутренние дела, но в то же время максимально приближало его в плане обязательности православия и своего духовного попечения. Налицо был явный дисбаланс интересов, который Церковь, опираясь на традицию, пыталась выстроить в свою пользу.

Признавая, что большинство статей Определения в новых условиях были абсолютно нереальными, А. Н. Кашеваров, задается обоснованным вопросом о том, почему соборное большинство, зная атеизм советской власти, все же закрепило, по сути, догмат о влиянии Церкви на государство и её материальной поддержке?

Полагаем, что это было сделано по двум причинам. Первая — уверенность в скором падении советской власти, вторая — надежда на Учредительное собрание к которому Церковь, таким образом, была бы готова, имея свою платформу[10]. Делегат Собора проф. В. И. Мишенко считал Определение «не более чем законопроектом» для внесения в Учредительное собрание[11], которое, как считало большинство Собора, изберет новую правления, при которой Церковь должна будет занять соответствующее соборному определению «О правовом положении Православной Российской Церкви» положение. На тот момент, по определению делегата Собора проф. Н. Д. Кузнецова, Россия пребывала «в состоянии полной анархии», когда разные политические силы «все еще только кричат о необходимости создания твердой государственной власти». В этой связи, по оценке выступавшего: «пока совершенно не ясно, какие формы примет новый государственный строй»[12].

Таким образом, Определение Собора от 2 декабря 1917 г. отразило мнение соборного большинства о правовом статусе Церкви в будущем российском государстве. Опираясь на историю, традицию и догму, руководствуясь «внутренним законом своего бытия», Собор не счел возможным отказаться от миссии Церкви «исполнять своим духом» государственность и «претворять её по своему образу». В то же время, Собор указал на свободу Церкви от любого вмешательства государства в свои внутренние дела.

Данная позиция была прочно догматически обоснована, но не соответствовала политическим и социальным реалиям дня, не базировалась на политологическом анализе и не была просчитана на перспективу. Здесь проявилось вступление Церкви

в некий переходный период, к которому она не готовилась, концепции развития которого не имела. Аналогичный ситуации опыт был только в глубокой древности, но тогда государства практиковали гонения на христиан, а не на систему Церкви. Отсутствие опыта разрешения такого рода ситуаций в какой-то мере, может объяснять позицию Собора.

Литература:

1. Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. М., 1994 [репринт с изд.: М., 1918]. Т. 4. С. 14.

2. Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. М., 1994 [репринт с изд.: М., 1918]. Т. 2. С. 19–25. В целом, эта позиция аргументировалась исключительно «духовными и историческими корнями».

3. Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. М., 1994 [репринт с изд.: М., 1918]. Т. 2. С. 14–15.

4. Цыпин Владислав, протоиерей. Русская церковь. 1917–1925 гг. М., 1996.

5. Программа РСДРП(б). Принята на III съезде РСДРП(б) июль 1903 г.

6. Программа партии социалистов-революционеров. Утв. I съездом партии (29.12.1905 – 4.01.1906).

7. Законодательные проекты и предположения партии народной свободы. 1905–1907 гг. / Под ред. Н. И. Астрова, Ф. Ф. Кокошкина, С. А. Муромцева, П. И. Новгородцева, кн. Д. И. Шаховского. СПб., 1907. С. XI–XIX.

8. Церковный вестник. 1917. 2 декабря. №. 46–47.

9. Поместный Собор 1917–1918 гг. и его учение о взаимоотношениях Церкви и государства// http://acathist.ru/en/novosti/item/242-pomestnyj-sobor-1917-1918-gg-i-ego-uchenie-o-vzaimootnosheniyakh-tserkvi-i-gosudarstva (дата обращения 10.10.2020 г.)

10. Кашеваров А. Н. Разработка на Поместном соборе 1917–1918 гг. Официальной позиции Православной церкви в отношении Советской власти и ее религиозной политики// Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2007. №2. С. 48–60.

11.Прибавления к Церковным Ведомостям. 1918. № 2. С. 71.

12. Прибавления к Церковным Ведомостям. 1918. № 3–4. С. 124.

Olihov Dmitriy Vladimirovich, candidate of historical Sciences, candidate of theology,
head of the Department of biblical studies and theology,
Religious organization - religious educational institution of higher education - "Omsk Theological Seminary of the Omsk Diocese of the Russian Orthodox Church", Department of biblical studies and theology, associate Professor of the Department Of history and Theory of religion, Dostoevsky Omsk State University
e-mail: olikhovd@inbox.ru.

DEFINITION "ON THE LEGAL STATUS OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH" OF DECEMBER 2, 1917: ANALYSIS OF THE POSITION OF THE LOCAL COUNCIL OF THE ROC 1917-1918

Abstract

The issue of the development of Church-state relations was Central to the agenda of the Local Council and caused wide discussions. Thanks to the decisions taken by the delegates, the Church was subsequently able to survive, not lose control, overcome Renovationism, aggressive state atheism. At the same time, there were miscalculations in the development and im-

plementation of the Council's Church-state policy. This was probably due to the confidence in the imminent fall of Soviet power, as well as to the hope of a Constituent Assembly for which the Church was thus preparing its political platform.

Keywords: *Local Council of the Russian Orthodox Church, Church-state relations.*

References

1. Deyaniya Svyashhennogo Sobora Pravoslavnoj Rossijskoj Cerkvi 1917–1918 gg. M., 1994 [reprint s izd.: M., 1918]. T. 4. S. 14.

2. Deyaniya Svyashhennogo Sobora Pravoslavnoj Rossijskoj Cerkvi 1917–1918 gg. M., 1994 [reprint s izd.: M., 1918]. T. 2. S. 19–25. V celom, e`ta poziciya argumentirovalas` isklyuchitel`no «duxovny`mi i istoricheskimi kornyami».

3. Deyaniya Svyashhennogo Sobora Pravoslavnoj Rossijskoj Cerkvi 1917–1918 gg. M., 1994 [reprint s izd.: M., 1918]. T. 2. S. 14–15.

4. Cypin Vladislav, protoierej. Russkaya cerkov`. 1917–1925 gg. M., 1996.

5. Programma RSDRP(b). Prinyata na III s``ezde RSDRP(b) iyul` 1903 g.

6. Programma partii socialistov-revolyucionerov. Utv. I s``ezdom partii (29.12.1905 – 4.01.1906).

7. Zakonodatel`ny`e proekty` i predpolozheniya partii narodnoj svobody`. 1905–1907 gg. / Pod red. N. I. Astrova, F. F. Kokoshkina, S. A. Muromceva, P. I. Novgo-rodceva, kn. D. I. Shaxovskogo. SPb., 1907. S. XI–XIX.

8. Cerkovny`j vestnik. 1917. 2 dekabrya. №. 46–47.

9. Pomestny`j Sobor 1917–1918 gg. i ego uchenie o vzaimootnosheniyax Cerkvi i gosudarstva// http://acathist.ru/en/novosti/item/242-pomestnyj-sobor-1917-1918-gg-i-ego-uchenie-o-vzaimootnosheniyakh-tserkvi-i-gosudarstva (data obrashheniya 10.10.2020 g.)

10. Kashevarov A. N. Razrabotka na Pomestnom sobore 1917–1918 gg. Oficial`-noj pozicii Pravoslavnoj cerkvi v otnoshenii Sovetskoj vlasti i ee religioznoj politiki// Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya. 2007. №2. S. 48–60.

11.Pribavleniya k Cerkovny`m Vedomostyam. 1918. № 2. S. 71.

12. Pribavleniya k Cerkovny`m Vedomostyam. 1918. № 3–4. S. 124.